

DOI: 10.31857/S013038640020238-9

© 2022 г. А.М. ФИЛИТОВ

БИСМАРК – ВИЛЬГЕЛЬМ – ГИТЛЕР: КОНТИНУИТЕТ ИЛИ РАЗРЫВ ТРАДИЦИИ?

Филитов Алексей Митрофанович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: a_filitov@mail.ru

Scopus Author ID: 57195680741

Аннотация. В статье исследована проблема общих черт и коренных противоречий между периодами германской истории 1871–1890 гг. (империя, созданная О. фон Бисмарком) и 1890–1918 гг. (период «персонального режима» Вильгельма II). Общим для них был антидемократизм, однако идеология и практика внешней политики обнаруживали существенные различия. Бисмарковское понятие «насытившегося государства» было забыто, на смену ему пришел экспансионистский «Griff nach Weltmacht» (стремление к статусу «мировой державы», равной британской и французской колониальным империям). Вместе с тем экспансионизм вильгельмовского рейха не имел неограниченного характера, в этом его отличие от нацистской Германии с ее программой завоевания мирового господства. Враждебность к России, характерная для вильгельмовской Германии (явное отступление от бисмарковской традиции), также имела определенные границы, и ее нельзя отождествлять с гитлеровской программой войны на уничтожение. Критически проанализировав концепции ряда немецких историков, автор приходит к выводу, что не следует проводить никакой линии преемственности между бисмарковским периодом и Рейхом Гитлера, — это объединяет Третий рейх с вильгельмовским, хотя степень общности между обоими режимами не следует преувеличивать.

Ключевые слова: Германская империя, Вильгельм II Гогенцоллерн, О. фон Бисмарк, бонапартизм, политика «открытых дверей», А. Бебель, В. Либкнехт, А. фон Вальдерзее, В. Ратенау, Германия, А. Гитлер.

A.M. Filitov

Bismarck – Wilhelm – Hitler: Continuity or Break with Tradition?

Alexey Filitov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: a_filitov@mail.ru

Scopus Author ID: 57195680741

Abstract. The article examines the problem of similarities and major contradictions between the periods of 1871–1890 (Bismarckian Reich) and 1890–1918 (Wilhelmine Reich) in German history. Although anti-democratic tendencies were a common feature of both, ideology and practice in the field of foreign policy differed sharply. The Bismarckian notion of a “saturated state”, which implied a commitment to

the status quo, was superseded by the expansionist “Griff nach der Weltmacht” (the push towards a “world power” equal to the British and French colonial empires). However, the expansionism of the Wilhelmine Empire was not unlimited, unlike the Third Reich’s quest for world domination. The hostility of the Wilhelmine Germany towards Russia, which represented a clear departure from the Bismarckian traditions, also had some limits, and therefore cannot be equated with an inexorable programme of extermination of the Hitler regime. Having critically assessed the concepts of some German historians, the author concludes that no line of continuity could be drawn between the Bismarck Empire and the Third Reich, a line that exists between the latter and the Wilhelmine Empire, although one should not overestimate the commonalities between the two regimes.

Keywords: German Empire, Wilhelm II Hohenzollern, Otto von Bismarck, Bonapartism, “Open Door” policy, August Bebel, Wilhelm Liebknecht, Alfred von Waldersee, Walther Rathenau, Germany, Adolf Hitler.

В рамках данной статьи предполагается рассмотреть некоторые проблемы, касающиеся периодизации германской истории 1871–1918 гг., употребляемых в отношении ее дефиниций, а также имеющих в историографии и публицистике оценок внутренней и внешней политики Германии, в том числе в контексте влияния соответствующих традиций на последующие события ее истории после 1918 г.

Единое германское государство, возникшее в результате политики «железа и крови», традиционно называется вильгельмовским рейхом. Естественно, возникает вопрос – какой из Вильгельмов имеет в виду? И сам собой приходит ответ, отсылающий нас к фигуре первого кайзера объединенной Германии – Вильгельма I. Насколько, однако, оправдана такая персональная атрибуция? Во-первых, его правление продолжалось сравнительно недолго, и влиянием его личности никак не могут быть объяснены процессы, которые развертывались в Германии в период после 1888 г., а этот период был богат такими событиями и проблемами, которые Вильгельм I явно не мог ни предвидеть, ни тем более оставить какие-то рецепты реагирования на них. Во-вторых, что даже более важно, корону германской империи ему буквально навязали, до конца жизни он ощущал себя более пруссаком, чем немцем, и с большим подозрением относился к тем новым реалиям, которые принесло с собой Reichsgründung (основание империи).

Подлинным создателем нового государственного образования был канцлер Отто фон Бисмарк, и потому было бы логично называть его бисмарковским рейхом. Однако обстоятельство ухода «железного канцлера» с политической сцены свидетельствовало о том, что далеко не все характерные для него подходы и принципы окажутся востребованными при его преемниках. Так и случилось: политический курс, который был избран при новом кайзере – Вильгельме II, обнаружил существенные отличия от того, что было характерным для эпохи Бисмарка. В этой связи имело бы смысл разделить историю Германии 1871–1918 гг. на два периода: условно говоря, бисмарковского рейха и вильгельмовского рейха (в данном случае имеется в виду не первый кайзер, а его внук). Попробую обосновать эту периодизацию.

Что представлял собой бисмарковский рейх? Известна формула К. Маркса о «военном деспотизме» с ограничительными добавками («обшитый парламентскими формами», «бюрократически сколоченный» и т.д.)¹. Действительно, это верно: полномочия народного представительства в виде рейхстага были весьма ограниченными, однако тот факт, что он выбирался на основе всеобщего избирательного права, делал его достаточно точным и наглядным «экраном» общественного мнения и позволял вести гласный диалог с властями. Критика в их адрес, на которую, как правило, адекватного ответа не находилось, вела к тому, что авторитет правящей элиты неуклонно эродировал, и на каждых

¹ Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: 2-е изд. Т. 19. М., 1961. С. 28.

следующих выборах силы, выступавшие с критикой в ее адрес, столь же неуклонно повышали свой «рейтинг» и влияние. Разумеется, внося в конституцию Северогерманского союза принцип всеобщего избирательного права и сохранив его в общегерманской монархии, Бисмарк меньше всего думал о том, чтобы воплотить в жизнь идеалы либерализма. Парадоксальным образом мотивом в данном случае было желание раз и навсегда покончить с либералами и их влиянием. Вероятно, образцом для него в этом замысле служил пример Франции, где диктатура Наполеона III была санкционирована всенародным референдумом, на котором масса малограмотного (тем более в отношении тонкостей политических программ) крестьянства проголосовала за традиционные консервативные ценности, к которым апеллировал тамошний наследник великого императора².

Расчет в применении к германским реалиям не оправдался; вернее, он оправдался только в районах с преобладанием помещичьего землевладения. Биограф Вилли Брандта приводит рассказ его деда о том, как проходило голосование в мекленбургской глубинке: управляющий имением, угостив крестьян шнапсом и, очевидно, проинструктировав, где нужно ставить крестик в бюллетене, строил их в очередь, отмечал, кто за кем этот бюллетень получает, и строго следил, чтобы «избиратели» не бросали их в большую кастрюлю без крышки, которая заменяла урну, а аккуратно клали заполненные бюллетени один поверх предыдущего, так что при подсчете можно было точно определить, кто нарушил инструкцию. Разумеется, потенциального «оппозиционера» ждали серьезные неприятности, а потому таковых не находилось³.

В городской среде манипуляции такого рода осуществить было не в пример труднее. В результате уже после первых общеимперских выборов, которые проходили в атмосфере эйфории от выигранной войны и достигнутого единства страны, в рейхстаге оказался лидер социал-демократов Август Бебель, который во всеулышание заявил о своей солидарности с парижскими коммунарами. В яростных нападках на него объединились и консерваторы, и либералы; А. Бебель и его однопартиец В. Либкнехт получили два года заключения в крепости, однако популярность социал-демократов росла неудержимо. Не помог и принятый в 1878 г. «закон против социалистов». На последних перед войной выборах 1912 г. за СДПГ (так партия стала называться с 1890 г.) проголосовало уже свыше трети электората.

Вполне возможно, что популярность социал-демократов в рабочей среде выросла бы еще больше, если бы не проведенные при Бисмарке меры социального законодательства (пенсии, пособия по временной нетрудоспособности и т.д.). Известна фраза одного из его министров: «Отныне мы все социалисты». Имелся в виду, разумеется, не социализм в марксистском понимании (ликвидация частной собственности, свободного предпринимательства и т.д.), а нечто, что предвосхищало практику «социального рыночного хозяйства», существующую ныне в ФРГ.

Разрядке социальной напряженности способствовал и бурный рост экономики, благодаря которому Германия вышла на второе место в мире по уровню производства (после США), обогнав прежнюю «мастерскую мира» – Великобританию. По поводу источников этого роста есть разные точки зрения. Широко распространено мнение, что значительную, если не главную, роль сыграла здесь полученная от Франции контрибуция. На деле стимулированная этим вливанием волна «грюндерства» окончилась полным крахом,

² В определении известного историка ФРГ У. Велера бисмарковский рейх представлял собой «бонапартистский диктаторский режим». См.: *Wehler H.-U. Das deutsche Kaiserreich 1871–1918. Göttingen, 1973.*

³ *Merseburger P. Willy Brandt, 1913–1992. Visionär und Realist. Stuttgart; München, 2002. S. 17.* Разумеется, система была небезупречной: по словам рассказчика, он «нечаянно» опрокинул кастрюлю, бюллетени смешались, и уже нельзя было определить, кто за кого голосовал. Впрочем, на результаты «выборов» это вряд ли повлияло.

и финансовые активы обанкротившихся немецких фирм благополучно мигрировали обратно в Париж и отчасти в Лондон – две столицы империи Ротшильдов. Подлинный «взлет» германской экономики последовал позднее. Когда именно – по этому поводу тоже нет консенсуса. Чаще всего называется середина 90-х годов XIX в.⁴ Не будучи специалистом по экономической истории, трудно дать здесь собственную оценку. В любом случае – вряд ли этот рывок был бы возможен без тех мер стимулирования, которые были начаты при Бисмарке и которые обеспечили развитие промышленности на самой передовой, инновационной (а не имитационной) технической базе (патентное законодательство, защита торговой марки и т.д.). Более того, Германия оказалась первой в том, что ныне называют интеграцией науки и производства. Наконец, именно в Германии впервые стали осуществляться, говоря современным языком, национальные проекты. Упомянем лишь один пример: строительство сети водопровода и канализации Берлина, благодаря которому столица оказалась избавленной от периодических эпидемий холеры и прочих инфекций. Заметим, что этот проект, занявший три десятка лет, был инициирован крупнейшим немецким ученым – естествоиспытателем Рудольфом Вирховым, который был к тому же активным деятелем (и основателем) Партии свободомыслящих, находившейся в самой жесткой оппозиции к властям и лично к Бисмарку. В 1865 г. – еще в прусском ландтаге – их полемика приняла такой характер, что Вирхов был вызван на дуэль; конфликт завершился тем, что ученый-политик принес извинения, не отказавшись в то же время от существа своей критики в адрес Бисмарка; последний отозвал свой вызов⁵. Весьма характерный эпизод для германской политики при «железном канцлере»: с одной стороны, жесткая реакция на инакомыслие, а с другой – готовность отступить при наличии готовности к компромиссу у партнера, а самое главное: политическое разногласие не помешало поручить оппозиционеру крупной общегосударственный проект.

Что менялось в империи Вильгельма II по сравнению с империей Бисмарка? На первый взгляд, обозначился тренд к определенной либерализации режима: в 1890 г. был отменен «закон о социалистах», причем толкуется порой это так, что имел место острый конфликт между кайзером и канцлером, который упорствовал в намерении этот закон сохранить и даже ушел в отставку в знак протеста, когда это намерение не осуществилось. Думается, что степень разногласий между Вильгельмом и Бисмарком в данном случае существенно преувеличена. Последний был способен и сам корректировать свои позиции – как это случилось в отношении другой репрессивной практики, им примененной против политического католицизма, – культуракмпафа. Показательно, что, будучи уже отставным политиком, Бисмарк, как пишет один из его биографов, «выступил с удивительным признанием: он-де предоставил в конституции империи слишком много власти короне в ущерб рейхстагу, тогда как парламентам необходима свобода, чтобы выступать с обоснованной критикой, предупреждениями, и даже при определенных условиях формировать правительство»⁶. Мотивы такого «признания» очевидны: после отстранения от власти экс-канцлер стал объектом всевозможных придинок и преследований, или, по словам того же биографа, «сам на собственной шкуре ощутил пороки авторитарной системы правления». Если эта система не пощадила даже самого основателя, то тем меньше на снисходительность могли рассчитывать ее противники. Определенные изменения произошли лишь в методах борьбы против «врагов государства»: созданный Бисмарком «рептильный фонд», ранее использовавшийся для финансирования журналистов в консервативных и либеральных изданиях, стал средством подкупа и отдельных публицистов из «левой» прессы. Яркий пример приводит

⁴ К периоду 1873–1896 гг. применяется понятие «долгой депрессии». См.: Экономическая история Германии от эпохи камерализма до наших дней: в 3-х т. Т. 1. Экономическая история Германии в новое время: от аграрного общества к мировой промышленной державе / под ред. С. И. Невского. М., 2017. С. 224.

⁵ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 12.X.2021.

⁶ Willms J. Bismarck. Dämon der Deutschen. Anmerkungen zu einer Legende. München, 2015. S. 329.

в этой связи австралийский историк Р. Флетчер в монографии, посвященной ревизионизму в германской социал-демократии: редактор одного из ее ведущих печатных органов получал прямые субсидии из банковских и правительственных источников за свои ура-патриотические и антибританские статьи⁷. Впрочем, и Бисмарк не чурался доверительных контактов с лидерами «Всеобщего немецкого рабочего союза» — организации, поначалу конкурировавшей с марксистами, но впоследствии объединившейся с ними⁸.

Если в том, что касается внутренней политики Германии, различия между периодами до и после 1890 г. были минимальными, то в области внешней политики был налицо резкий контраст. Бисмарк, думается, был искренен, говоря об объединенной Германии как государстве, удовлетворенном своим новообретенным статусом в международной системе («saturierte Staat»⁹). Это не означало некоего изоляционизма и/или отказа от соперничества с другими европейскими «центрами силы», если употреблять современный вокабуляр. Напротив, понятие какой-то «общевропейской идентичности» было ему чуждо. Характерно в этом смысле его ироническое высказывание в доверительной корреспонденции с кайзером, относящееся к 1876 г.: «Слово “Европа” я слышу всегда в устах тех политиков, которые что-то требуют от других держав, но не решаются потребовать этого от своего имени»¹⁰. Напрашивающаяся аналогия — с идеологией голлизма: Европа национальных государств без четких и раз и навсегда определенных блоковых структур, развитие которой определяется постоянно меняющимся балансом сил. Проецируя на современность, Бисмарка можно было бы назвать типичным «евроскептиком».

Не менее скептически он был настроен и в отношении заморской экспансии. Опять-таки, думается, он был искренен, говоря, что вся Африка не стоит жизни одного прусского гренадера¹¹. Как предостережется, он прозорливо уловил общемировой тренд перехода от классического колониализма с его жестким административным и прочим контролем метрополий (при исключении прочих конкурирующих акторов) зависимых территорий — к тому, который воплотил собой формулу, впервые выдвинутую на рубеже веков американским государственным секретарем Дж. Хеем: «Открытые двери и равные возможности»¹². Авторство этой

⁷ Fletcher R. Revisionism and Empire. Socialist Imperialism in Germany. 1897–1914. London, 1984.

⁸ Взаимодействие между «железным канцлером» и руководимым Ф. Лассалем «Всеобщим союзом» порой трактуется как «эфемерное явление», «кратковременный флирт». Так ли это — вопрос к будущим исследователям. См.: Engelberg E. Der Staat war saturiert, der Gründer noch hungrig // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 14.X.1997.

⁹ Этот неологизм был введен в оборот, чтобы обозначить приверженность нового члена европейского «концерта» сложившемуся статусу-кво, отсутствие у него каких-либо территориальных или иных притязаний. Колумнист газеты «Die Welt» пишет в этой связи, что «Бисмарку удалось после объединения рейха превратить проголодавшуюся прусскую державу в “сатурированную” (т.е. насытившуюся. — А.Ф.) германскую и таким образом восстановить европейское равновесие». См.: Schuster J. Otto von Bismark, ein Genie der Machtspiels // Die Welt. 8.X.2012. Понятие «saturierte Staat» в качестве характеристики бисмарковской внешнеполитической доктрины широко используется современными исследователями, в частности, участниками юбилейного круглого стола к 200-летию со дня рождения «железного канцлера». См.: Hopp A. Warum Bismarck // Aus Politik und Zeitgeschichte. 23.III.2015. S. 6; Wirsching A. Bismarck und das Problem eines deutschen “Sonderweges” // Ibid. S. 12; Ulrich V. Der Mythos Bismarck und die Deutschen // Ibid. S. 18; Zimmerer J. Bismarck und der Kolonialismus // Ibid. S. 34.

¹⁰ Bismark O. von. Aus seine Schriften, Briefen, Reden und Gesprächen. Zürich, 1976. S. 508.

¹¹ Ту же мысль он неоднократно повторял на протяжении своего пребывания у власти: «Пока я остаюсь рейхсканцлером, мы не будем вести никакой колониальной политики» (1881 г.); «Моя карта Африки лежит в Европе» (1888 г.). См.: Zimmerer J. Op. cit. S. 34.

¹² Формально демарш Хей касался политики великих держав в Китае, и большинство работ зарубежных авторов рассматривают эту доктрину в контексте американско-китайских отношений. Лишь немногие историки подчеркивают ее глобальный характер. См.: LaFeber W. The New Empire: An Interpretation of American Expansion, 1860–1898. Ithaca, 1998; Ninkovich F. The United States and Imperialism. Malden (Mass.), 2001.

формулы-доктрины неслучайно: располагая несомненными конкурентными преимуществами, США не нуждались в том, чтобы отгораживать для себя и монополизировать какую-то часть мирового рынка, тем более что он был уже поделен между «старыми» колонизаторами. Американские «неоколонизаторы» претендовали на захват всего этого рынка в целом и вытеснение с него конкурентов не военно-административными, а именно рыночными методами, попутно облекая себя аурой пацифистов и сторонников независимости стран «третьего мира» (если употреблять этот возникший позднее термин). Надо сказать, что потенциал Германии в рамках той модели мира, которая определялась бы формулой «открытых дверей и равных возможностей», ничуть не уступал бы американским, а возможно, и превосходил их. Технические инновации, являвшиеся одним из козырей товаров «made in USA», опирались в Германии на более солидную собственную научную и экспериментальную базу, чем это имело место в США, где ведущие фирмы зачастую просто использовали и внедряли зарубежные (в том числе и немецкие) разработки. Первенство в борьбе против «старого» колониализма Германии могло бы обеспечить и то обстоятельство, что позиция США была достаточно противоречива: «доктрина Хейя» не отменяла «доктрину Монро», которая как раз «закрывала двери» на американский континент всем прочим державам-конкурентам. Германию в такой непоследовательности, а по сути, в лицемерии, упрекнуть было бы трудно. Конечно, можно с полным основанием усомниться, смогла бы ли немецкая инициатива в духе идеи «открытых дверей и равных возможностей» изменить всю систему международных отношений, но определенный моральный авторитет ее протагонистам она бы наверняка принесла и, возможно, даже предотвратила бы дрейф к мировой войне.

Вместо этого германские политики, сменившие Бисмарка, приняли правила «старого колониализма», вступив на путь захвата еще не поделенных территорий и передела уже сложившейся карты колониальных завоеваний. Этот курс, оформленный в терминах «мировая политика» (Weltpolitik) и «строительство флота» (Flottenbau), создавал Германии заслуженную репутацию нарушителя статус-кво и потенциального агрессора, причем в отсутствие каких-либо союзников и без всяких перспектив на успех.

Особо следует остановиться на влиянии «нового курса» германской политики на германо-российские отношения. Бисмарк отнюдь не был русофилом. Однако он не был и русофобом. Россию он рассматривал как равноправного члена «европейского концерта», державой, с которой могут возникать определенные осложнения, но которую нельзя считать экзистенциальной угрозой для Германии. Новые архивные свидетельства, введенные в научный оборот В.С. Дударевым, опровергают точку зрения о Бисмарке как противнике прусско-российского сотрудничества. Более того, как выясняется в свете этих документов, Бисмарк сам проявлял инициативу в налаживании сотрудничества и был склонен рассматривать Россию как союзника, причем более предпочтительного, чем Австрия¹³. Принципиально его позиция не изменилась и после 1871 г., когда объединение Германии уже свершилось. В этом отношении он вступил в конфликт с представителями тех сил, которые, опьяненные военными и экономическими успехами нового рейха, вступили на курс экспансии и агрессии, в том числе и в восточном направлении. Расстановку сил в правящих кругах в первые годы правления Вильгельма II точно описывает немецкий историк В. Лот: «Начальник Генерального штаба, граф Альфред фон Вальдерзее, который с 1887 г. выступал за превентивную войну против России, оказался по этому вопросу в жесткой конфронтации с Бисмарком, но именно он (Вальдерзее) пользовался доверием у молодого монарха. Именно Вальдерзее убедил кайзера высказаться против займа на финансирование железнодорожного строительства в России, в пользу которого выступал Бисмарк»¹⁴.

¹³ См.: Дударев В.С. Бисмарк и Россия. 1851–1971 гг. СПб., 2021. С. 488. Ср.: Gall L. Bismarck. Der weiße Revolutionär. Berlin, 1980. S. 409.

¹⁴ Loth W. Das Kaiserreich. Obrigkeitsstaat und politische Mobilisierung. München, 1996. S. 84.

Сама отставка Бисмарка стала следствием интриг, в ходе которых его обвинили в недооценке «российской угрозы». Биограф Вильгельма II приводит в этой связи характерный эпизод: «Вильгельму попали на глаза донесения о передвижениях российских войск в окрестностях Киева, и он решил, что речь идет о военных приготовлениях против Австрии. Он запросил мнение Бисмарка, но тот не торопился с ответом. По его мнению, не было никаких оснований паниковать, а тем более поднимать панику у австрийцев передачей им вышеупомянутых донесений. Вальдерзее и Вильгельм пришли к выводу — канцлер во власти старых пророссийских традиций...»¹⁵.

Последующие маневры Вильгельма и его министров в отношении России свидетельствовали о том, что она стала восприниматься как некая второстепенная, несамостоятельная величина в европейской политике, которая была обречена на роль вассала либо Германии, либо Антанты. Это способствовало тому, что Германия решилась на объявление войны России, явно не исчерпав всех дипломатических возможностей урегулирования кризиса. Роковую роль сыграла при этом и русофобская позиция руководства немецкой социал-демократии. За кредиты на войну с Францией социал-демократические депутаты рейхстага вряд ли проголосовали бы, а вот война с Россией была в программе еще «Союза коммунистов», руководимого К. Марксом и Ф. Энгельсом. С тех пор европейские реалии коренным образом изменились, но программа немецких социал-демократов осталась прежней. Не далее, как в 1867 г., выступая в Северогерманском рейхстаге, один из лидеров социал-демократов В. Либкнехт угрожал России вторжением на ее территорию «500-тысячной» армии якобы для защиты прав немецкого меньшинства в прибалтийских («остзейских») провинциях¹⁶.

Отмечая инициативную роль Германии в развязывании Первой мировой войны и империалистические цели, которые она в ней преследовала, было бы неверным считать эти цели неограниченными — по аналогии с теми, которые определяли политику нацистского руководства. В этой связи можно выразить определенное недоумение по поводу упорного повторения в российской историографии неверного перевода названия известной книги Фрица Фишера «Griff nach Weltmacht», в том числе и в титуле недавно появившегося долгожданного его русскоязычного издания¹⁷. Это никак не «рывок к мировому господству», иначе автор употребил бы слово «Weltherrschaft». Говоря о стремлении вильгельмовского рейха к достижению статуса Weltmacht, он имел в виду, прежде всего, его колониальные амбиции в смысле создания империи по образцу британской или французской.

Что касается России, то ее противоречия с Германией в предвоенный период по своей интенсивности намного уступали англо-германским и франко-германским, и этот фактор имел свою релевантность также и для военного периода, и для германского планирования на послевоенный период. Заслугой российского историка Б.И. Грекова, существенно дополнившего в этом отношении книгу Фишера, можно считать трактовку взглядов одной из ведущих фигур в экономике и политике Второго рейха — Вальтера Ратенау. Это был яркий экспансионист, уверенный в победоносном для Германии исходе войны, но при всем при этом он считал, что Россия должна будет играть «значительную роль в контролируемой Германией Европе», причем имелось в виду, что «мы можем финансировать Россию»¹⁸. Идея германо-

¹⁵ Макдоно Дж. Последний кайзер: Вильгельм Неистовый. М., 2004. С. 243.

¹⁶ Дударев В.С. Указ. соч. С. 403.

¹⁷ Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / пер. с нем. Л.В. Ланника. М., 2017.

¹⁸ См.: Первая мировая война и XX век: материалы международной конференции 24–26 мая 1994 года. М., 1995. С. 102. К сожалению, автор не привел ссылок на архивные первоисточники, которые он использовал. Что касается Ф. Фишера, то в его книге имеется лишь краткое упоминание о взглядах Ратенау на будущее мироустройство, из которого следует, что он был настроен на компромисс с Францией и тесное сотрудничество с Австро-Венгрией; о его идеях в отношении России ничего не сообщается. См.: Фишер Ф. Указ. соч. С. 116.

российского (в новых обстоятельствах — германо-советского) сотрудничества была реализована позднее в Рапалльском договоре — и не случайно, что с германской стороны наиболее активную роль в его выработке сыграл именно В. Ратенау. И опять-таки не случайно, что именно Ратенау пал жертвой заговора крайне правых кругов, близких к национал-социализму. Для этих кругов ни о каком сотрудничестве с восточным соседом не могло быть и речи; в идеологии и практике гитлеровского режима экспансионизм приобрел характер ничем не ограниченного «рывка к мировому господству», что, повторим, не было характерно для вильгельмовского рейха.

Одна из первых дискуссий немецких историков после разгрома и краха нацизма последовала вскоре после выхода книги Фридриха Майнеке «Немецкая катастрофа». Его вывод о прямой линии преемственности между Вторым (1871–1918 гг.) и Третьим рейхом был оспорен Герхардом Риттером, который объявил гитлеровский режим отрицанием и противоположностью всей прежней германской истории, в особенности же — консервативных прусско-германских традиций и практик¹⁹. На наш взгляд, в корректировке нуждаются обе точки зрения. Консерваторами были и Бисмарк, и Вильгельм II, но, как мы пытались показать, в сфере внешней политики их цели и методы существенно различались. Ввиду этого вряд ли имеет смысл конструировать линию преемственности между бисмарковским рейхом и Третьим рейхом. С другой стороны, такая линия, безусловно, связывает Третий рейх и вильгельмовский рейх, хотя говорить об их тождественности или прямом «перетекании» одного в другой с кратким интервалом в виде Веймарской республики было бы также недопустимым упрощением.

Библиография

Дударев В.С. Бисмарк и Россия. 1851–1971 гг. СПб., 2021.

Макдоно Дж. Последний кайзер: Вильгельм Неистовый. М., 2004.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: 2-е изд. Т. 19. М., 1961.

Первая мировая война и XX век: материалы Международной конференции 24–26 мая 1994 г. М., 1995.

Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / пер. с нем. Л.В. Ланника. М., 2017.

Экономическая история Германии от эпохи камерализма до наших дней: в 3-х т. Т. 1. Экономическая история Германии в новое время: от аграрного общества к мировой промышленной державе / под ред. С.И. Невского. М., 2017.

Bismark O. von. Aus seine Schriften, Briefen, Reden und Gesprächen. Zürich, 1976.

Fletcher R. Revisionism and Empire: Socialist Imperialism in Germany, 1897–1914. London, 1984.

Gall L. Bismarck. Der weiße Revolutionär. Berlin, 1980

Loth W. Das Kaiserreich. Obrigkeitsstaat und politische Mobilisierung. München, 1996.

Meinecke F. Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen. Wiesbaden, 1946.

Merseburger P. Willy Brandt, 1913–1992. Visionär und Realist. Stuttgart; München, 2002.

Ritter G. Staatskunst und Kriegshandwerk. Das Problem des “Militarismus” in Deutschland. 4 Bde. München, 1954–1968.

Tünners H. Nach Verfolgung und Vernichtung. Das Dritte Reich und die Deutsche nach 1945. Stuttgart, 2021.

Wehler H.-U. Das deutsche Kaiserreich 1871–1918. Göttingen, 1973.

Willms J. Bismarck. Dämon der Deutschen: Anmerkungen zu einer Legende. München, 2015.

¹⁹ См.: Meinecke F. Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen. Wiesbaden, 1946; Ritter G. Staatskunst und Kriegshandwerk. Das Problem des “Militarismus” in Deutschland. 4 Bde. München, 1954–1968. См. также: Tünners H. Nach Verfolgung und Vernichtung. Das Dritte Reich und die Deutsche nach 1945. Stuttgart, 2021. S. 55.

References

- Dudarev V.S.* Bismark i Rossiya. 1851–1971 [Bismark and Russia, 1851–1971]. Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)
- Ekonomicheskaya istoriya Germanii ot epokhi kameralizma do nashikh dnei: v 3-h t. / pod red. S.I. Nevskogo. T. 1. Ekonomicheskaya istoriya Germanii v novoe vremya: ot grarnogo obshhestva k mirovoj promyshlennoj derzhave [The economic history of Germany in modern times: in 3 vol. / ed. S.I. Nevskiy. Vol. 1. Economic history of Germany in modern times: from an agrarian society to a world industrial power]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Fisher F.* Ryvok k mirovomu gospodstvu. Politika voennykh celej kajzerovskoj Germanii v 1914–1918 gg. / per. s nem. L.V. Lannika [A leap to world domination. The policy of the military goals of Kaiser's Germany in 1914–1918 / translated from German by L.V. Lannik]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Makdono G.* Poslednij kajzer: Vilgelm Neistovjy [The Last Kaiser: Wilhelm the Impetuous]. Moskva, 2004. (In Russ.)
- Marks K., Engel's F.* Sochineniya [Works]: 2 izdanie. T. 19. (In Russ.)
- Pervaya mirovaya vojna i XX vek: materialy Mezhdunarodnoj konferencii 24–26 maya 1994 g. [World War I and the 20th century: Proceedings of the International Conference May 24–26, 1994]. Moskva, 1995. (In Russ.)
- Bismark O. von.* Aus seine Schriften, Briefen, Reden und Gesprächen. Zürich, 1976.
- Fletcher R.* Revisionism and Empire. Socialist Imperialism in Germany. 1897–1914. London, 1984.
- Gall L.* Bismarck. Der weiße Revolutionär. Berlin, 1980.
- Loth W.* Das Kaiserreich. Obrigkeitsstaat und poilitische Mobilisierung. München, 1996.
- Meinecke F.* Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen. Wiesbaden, 1946.
- Merseburger P.* Willy Brandt, 1913–1992. Visionär und Realist. Stuttgart; München, 2002.
- Ritter G.* Staatskunst und Kriegshandwerk. Das Problem des “Militarismus” in Deutschland. 4 Bde. München, 1954–1968.
- Tünners H.* Nach Verfolgung und Vernichtung. Das Dritte Reich und die Deutsche nach 1945. Stuttgart, 2021.
- Wehler H.-U.* Das deutsche Kaiserreich 1871–1918. Göttingen, 1973.
- Willms J.* Bismarck. Dämon der Deutschen. Anmerkungen zu einer Legende. München, 2015.